

«Я» смотрит на «Я».

Как живёт христианский импульс на Земле

В человеческой жизни есть один очень важный феномен. Он состоит в том, что когда один человек смотрит на другого и видит его подлинное существо, то тот, на кого смотрят, пробуждается, в нём вспыхивает (или укрепляется) «Я»-переживание.

Очень ярко этот феномен проявляется в неотъемлемой составляющей работы вальдорфских детских садов и школ — в так называемом «наблюдении ребёнка»: когда коллегия педагогов собирается, естественно, без самого ребёнка, чтобы вместе непредвзято посмотреть на него и за чередой тех или иных проявлений — неважно, «позитивных» или «негативных», речь здесь никогда не идёт об оценке, — постараться увидеть подлинное внутреннее существо и потребности этого конкретного человека. Практика показывает, что уже сам факт созерцания, непредвзятого смотрения, оказывает буквально «магическое» воздействие: ребёнок преобразуется. Целью такого наблюдения не является, например, сделать его более «удобным», «покладистым»; существенное в том, что это даёт возможность проявиться истинному существу ребёнка, и вместе с этим сама ситуация в группе и его включённость в неё становится здоровее, а значит, человечнее.

Пережить этот феномен мы можем и во встрече взрослого со взрослым. Смотреть подобным образом старается человек, выбравший такое смотрение своей профессией, например, антропософский биографический консультант. Но и за пределами работы, в повседневной жизни, встречаем мы порой людей, обладающих этой способностью, а иногда и нам самим удаётся *увидеть* своего ближнего, и это всегда очень сильное и волнительное переживание. И особой благодарностью наполняют нас встречи, когда мы сами были по-настоящему увидены другим человеком. Сколь редки такие встречи, столь же глубоко они запечатлеваются в сердце. Им всегда сопутствует особая атмосфера тишины, покоя и сопричастности.

Отличительной чертой такого переживания — когда другой человек *видит* нас — является особый род пробуждения к самому себе. Можно сказать, что в этот момент мы «приходим к себе» и вдруг становимся способны по правде увидеть и пережить себя — такими, какими были задуманы, в своём истинном прообразе. При этом мы как бы вырастаем над самими собой — и это всегда переживание освобождения, свободы.

Такой взгляд, видящий другого человека, проникает через покровы личности к глубинам существа человека, к его индивидуальности, к его вечному, к его ядру. Именно когда это вечное становится увиденным, оно пробуждается в обыденном, повседневном, становится деятельным в нём.

Чтобы такое пробуждение было возможным, должны существовать те, кто когда-то увидели или увидят нас. А они, в свою очередь, тоже должны были быть увиденны когда-то другими «видящими». Если мысленно продлить эту «цепочку» «видения» к началу, то можно подумать о том, что когда-то на Земле должен был появиться первый из тех, кто способен так видеть. Причём сам род видения этого первого должен был быть совершенно новым. Ведь в прежние времена люди были видимы Богами, но видимы изнутри, и такой взгляд не мог пробудить их, это было сновидческое состояние, в котором жизнь человека являлась как бы «грёзами» Богов. Боги сновидели людей, которые потому не могли быть свободными.

Важным условием пробуждения должен был стать взгляд снаружи: когда кто-то смотрит на человека так, что через внешние, преходящие оболочки, через его личность способен прозревать вечное, непреходящее существо индивидуальности. Кто-то должен был первым начать так смотреть на людей, чтобы они смогли пробудиться. Обладающему такой способностью нужно было самому явиться в человеческом теле, чтобы предстать перед людьми внешним, явленным образом, чтобы был возможен взгляд из глаз одного через глаза другого.

Этим Первым, способным своим взглядом, своим видением пробуждать «Я» человека, был Христос.

Человек, увиденный таким образом, не только пробуждался к самому себе. Благодаря обретенному опыту индивидуального самопереживания, переживания «Я», он мог теперь начать видеть это и в других людях. То был дар Христа, принесенный Им людям: способность видеть «Я» в другом человеке. Чтобы принести этот дар, Ему нужно было однажды воплотиться на Земле.

Можно сказать, что, чтобы когда-то впервые пробудиться к своему «Я», каждому человеку нужно быть увиденным тем, кто умеет так смотреть. И так на Повороте Времени, благодаря встрече с воплотившимся Христом, появились и стали ходить по Земле первые люди, способные к такому видению. То были первые христиане. На кого смотрел Христос, тот становился христианином. Странствуя потом по Земле, эти первые христиане встречались и смотрели на других людей, и видели их, и так стал распространяться христианский импульс: от человека к человеку, через взгляд глаза в глаза, от сердца к сердцу.

Христианин — это *видящий*. Способность видеть, которую можно обрести только через жизнь на Земле, становится способностью индивидуальности. Ибо видеть может только индивидуальность: индивидуальность смотрит на индивидуальность, «Я» смотрит на «Я». И конечно способность такого видения — сердечная способность. Ведь смотрят глаза, а видит — сердце. Духовное сердце становится органом восприятия индивидуальности, органом восприятия «Я». Действуя по-христиански, христианин способствует пробуждению в другом человеке духовного органа восприятия, являющегося одновременно средоточием его существования.

Из сказанного видно, что чтобы христианство — как подлинная практика жизни — присутствовало и было деятельно на Земле, во всякое время должны жить на ней и такие «видящие», пробуждающие и несущие дальше эту способность видеть в других людях. Так живёт христианский импульс, так он распространяется. И каждый видящий, пусть хотя бы это удавалось ему лишь изредка, может быть уверен, что когда-то он сам был увиден другим видящим, что по сути означает — Самим Христом: ведь это тот род взгляда, который остаётся непосредственным, «изначальным» при передаче от человека к человеку.

Христос лишь раз воплотился на Земле в физическом теле, принеся божественную, неугасимую искру людям. Лишь раз — а значит дальнейшее дело христианства полностью зависит теперь от нас самих, от нашего свободного решения, свободного поступка. Дарованная вместе с индивидуальным «Я» свобода предполагает и возможность не видеть, «забыть» о божественной искре.

В современной жизни типичным нашим переживанием является переживание себя как «Я», причём зачастую это самовосприятие является очень сильным, иногда даже чрезмерным; других же людей мы переживаем просто как человек. Может быть, явно не высказывая, но мы как бы говорим себе: «Я это я, а тот, другой — просто человек». Особенно, если этот другой нам не знаком или не интересен: «А, ну просто какой-то человек прошёл мимо. Какая разница?! Каждый день мимо проходят десятки и сотни людей».

Это проходит для нас очень незаметно, но присутствует как важный феномен сегодняшнего дня: мы не переживаем существо другого человека как другое «Я». Речь идёт не о том, что каждый может формально согласиться, что другой — это тоже «Я», а о действительном переживании существа «Я» другого человека. Мы не добираемся до его индивидуальности, оставаясь при общем обозначении «человек». Так мы теряем другого человека, а вместе с тем — на самом деле — и самих себя. Очень непросто по-настоящему, переживательно — то есть как результат восприятия — сказать, например, о другом — «Я», а о себе — «человек». От развития способности действительно воспринимать, переживать и знать, что такое Человек, что такое «Я», зависит возможность прийти к формуле целого, к подлинно христианской практике, когда я могу сказать стоящему передо мной человеку: «Ты — другой Я, а Я — Человек, как и ты!»

Через это становится возможным на деле, практически, разрешить известное философское противоречие «Я и мир». Потому что тогда мы способны, не теряя своё «Я», нечто все-

общее, всеобщемировое — человека, человечность, человечество — найти в себе, а отдельное, индивидуальное — в мире, в конкретном другом человеке¹. Если это становится действительным переживанием, то и христианский импульс в этот момент оживает в нас, а мы в этом смысле — становимся христианами, подлинными последователями Христа. Ибо Он был первым, кто, заключая в себе полноту человечности, видел «Я» в других людях.

Здесь уместно вспомнить созвучное изречение, данное Рудольфом Штайнером и известное под названием «Мотто социальной этики»:

Лишь то целительно, когда
В зеркале человеческой души
Себя отображает всё сообщество;
И в сообществе
Живёт сила отдельной души.

Если после всего сказанного ещё раз спросить, что же такое христианство, то можно сказать, что это способность видеть «Я», индивидуальность другого человека. Что значит — прозревать за пределы обыденного, за пределы одной земной жизни, и видеть индивидуальность в её истинном, в её вечном, в её полноте. Конечно, сегодня мы так почти не умеем, а значит христианство — не просто сумма когда-то принесённых писаний и заповедей, а опыт и жизненная практика далёкого будущего. Которая, впрочем, доступна нам как возможность уже сегодня: ведь когда-то на нас *смотрели* и *видели*, а значит мы можем вспомнить об этом. Об этом — и о том, что увиденным хочет быть каждый человек на Земле. И главное — помнить: Кто видит? Кого видит?

Практические последствия в социальной жизни (Post scriptum)

Конечно, сегодня мы почти не видим индивидуальность другого человека. Большею частью мы смотрим на него как на что-то общее, обобщённое. Но на сегодняшней стадии развития человечества такой взгляд, в прежние времена действительно уместный, действует поистине разрушающе: он сеет страх, раздор и ненависть между людьми. Со всей очевидностью это выступает во всех социальных феноменах нашего времени. Как человечество мы достигли той стадии своего развития, когда такой «общий» взгляд на каждого человека становится для него невыносимым, противоречащим существу той индивидуальности, которая хочет пробудиться в нём. Человек больше не может переживать себя лишь «частью статистики». Такой подход к нему заставляет его переживать сильную душевную тесноту, переживать её как насилие над собой, и тогда человек либо продолжает «спать», явно или подспудно переживая страх, либо может пробудиться, но пробудиться зачастую деструктивным образом: насилие он *рефлекторно* отвечает насилием, лишь продолжая умножать страх и ненависть в мире. И одновременно с этим, сам того не замечая, тоже «слепнет»: не видя индивидуальное в конкретных людях, начинает обобщать — характерные фразы сегодняшнего времени: «это правительство», «эта страна», «эта полиция»... Следствием такого развития событий является в итоге война всех против всех: где каждый бьётся за свою индивидуальность, оставаясь при этом «слепым» в отношении всех других индивидуальностей. Война слепых против слепых — ужасный, но правдивый, относящийся к действительности образ.

¹ На пути развития философской мысли эта проблема «Я и мир» была ещё в конце XIX века разрешена Рудольфом Штайнером, чей основополагающий труд на эту тему носит характерное название «Философия свободы».

Из этой ситуации не может быть «всеобщего» выхода: за который можно было бы проголосовать или принять решение законодательно. Поскольку речь об индивидуальности, то и решение может быть только индивидуальным: вспомнить о том, что когда-то я сам был увиден, и начать смотреть так, чтобы в мире росло то, что воистину является целительным для него: Любовь.

Алексей Жилев
16 июня 2020 г.